

рост безработицы. Но даже при этом большинство экспертов приходит к выводу, что миграция в Германию не приведёт к значительному повышению рисков безработицы и уменьшению уровня заработной платы немецкого населения [2].

1. Стрелец М.В. Христианско-социальный союз в Баварии (ФРГ): Идеология и политика. – Брест: БрГТУ, 2004. – 410 с.
2. Екатерина Романова. Германия и расширение ЕС на восток // Журнал общественно-политических исследований Современная Европа. – 2006. – № 2 (26). – С. 72-82
3. Тэвдой-Бурмули А. Расширение ЕС и эволюция этнополитической ситуации в Европе // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 10. – С. 33-44
4. www.wikipedia.org.ru

Толочко Д. М. (ГГМУ, г. Гомель)

ПРОБЛЕМА ЕВРЕЙСКИХ БЕЖЕНЦЕВ ИЗ ПОЛЬШИ В СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (СЕНТЯБРЬ 1939 – ИЮНЬ 1941 гг.)

В истории XX века есть немало «трудных» тем, к числу которых, безусловно, относится всё, что связано с переделом Европы накануне и в ходе Второй мировой войны. Одной из недостаточно изученных проблем является вопрос о беженцах из Польши в БССР в советско-германских отношениях в течение сентября 1939 – июня 1940 гг. В советской историографии указанная тема не рассматривалась вовсе. Современные отечественные исследователи также обходят данную проблему стороной. Исключением являются отдельные публикации Э. Г. Иоффе [1], С. В. Талеронка [2] и др.

1 сентября 1939 г. произошло вторжение войск фашистской Германии в Польшу. Одновременно с этим тысячи беженцев, в основном еврейской и в меньшей степени польской национальности, двинулись из центральных и западных районов Польши на Восток страны, в том числе и на территорию Западной Украины и Западной Беларуси. О масштабах бегства со стороны населения Польши свидетельствует, в частности, фрагмент из письма Я. Говорской (непосредственной очевидицы указанных событий): «Весь край был в походе на восток. В этом непрерывном потоке беженцев, бежавших от немцев, были и дети, и грудные младенцы, которые попросту умирали с голоду, так как ничего нельзя было купить» [3; л. 1-13].

Подавляющее большинство беженцев составляли представители еврейской национальности. Это обстоятельство было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, евреи не занимались сельским хозяйством, а, главным образом, ремеслом и торговлей, в этой связи они легко становились на путь бегства. Во-вторых, немалую роль здесь оказала политика немецких властей по отношению к еврейскому населению. Так, в сообщениях беженцев, прибывших с территории Польши, оккупированной Германией, приводятся факты такого рода: «...Почти все 100 % евреев безработные. С нового года евреям не будет выдаваться право на промышленные патенты. Евреев избивали, ловили и ежедневно направляли на работу ...из одного дома арестовали 53 еврея и всех расстреляли за то, что еврей-спекулянт из этого дома убил полицейского. В городке Гарболина приказали 30 евреям выкопать себе могилу, после чего их расстреляли...» (письмо П. Варгафтер, г. Белосток). В письме бывшей политзаключенной П. Кварта читаем следующее: «В последнее время гитлеровцы вывезли из Калиша почти все еврейское население в закрытых вагонах в неизвестном направлении, разделяя жен от мужей, детей от родителей. Вид этих людей ужасающий ...» [3; л. 13]. В докладной записке «О положении дел на границе и в пограничной полосе» секретаря Брестского обкома Киселева отмечалось следующее: «Немецкие власти издеваются над еврейским населением, выгоняют из городов и местечек, старикам обрезают бороды, запрягают ходить по улицам и заниматься какой-либо торговлей. Кроме того, евреев используют на черновых работах по очистке городов» [15; л. 3].

17 сентября 1939 г. началась операция Красной Армии в Польше. В этой связи большинство беженцев – поляков бросилось из Западной Украины и Западной Беларуси на территорию, занятую Германией, некоторая часть в Румынию, Литву. Однако и оставшихся в западном регионе Беларуси беженцев было достаточно для того, чтобы значительно увеличить численность населенных пунктов Западной Украины и Западной Беларуси.

Следует отметить, что на сегодняшний день существует несколько определений понятия «беженец». Одно из них более широкое и используется чаще всего в обыденном употреблении. В данном случае оно означает всех, кто стремится спастись от обстоятельств естественного или личного характера. Причин для беженства может быть множество: угроза для жизни или свободы, война или гражданский конфликт, стихийные бедствия, голод и т. д. [4; с. 15].

В международном праве ограничено содержание понятия «беженец». Под беженцем здесь понимается лицо, которое «в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследования по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определённой социальной группе или политических убеждений находится за пределами страны своей гражданской принадлежности, не может или не желает пользоваться защитой этой страны вследствие таких опасений, или, не имея определённого гражданства и находясь вне страны своего предыдущего проживания в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в неё вследствие таких опасений» [5; с. 29]. Вместе с этим из категории беженцев исключаются лица, которые скрываются от правосудия за совершение преступлений. Кроме того, в это понятие не входят также «экономические беженцы», т. е. лица, которые оставляют свою страну добровольно в поисках лучшей жизни. Это определение понятия «беженец» в международном праве впервые было зафиксировано в Конвенции 1951 г. о статусе беженцев и в Протоколе 1967 г., касающегося статуса беженцев. В этих документах были также предусмотрены обязательства для государства, куда прибыли беженцы, по обеспечению их работой, жильем, недопустимости какой-либо дискриминации и т. д.

К 1939 г. универсального понятия «беженец» в международном праве не существовало. В период с 1921 по 1939 гг. в рамках деятельности Лиги Наций был принят ряд соглашений и конвенций, в которых были только лишь сделаны попытки сформулировать определение «беженец», выработать необходимые мероприятия по защите соответствующей категории людей. Среди них необходимо выделить следующие: «Соглашение о выдаче удостоверений личности русским и армянским беженцам...», подписанное в Женеве в 1926 г.; «Конвенция о международном статусе беженцев» и др. Однако в указанных документах по отношению к определению беженцев был использован категориальный или групповой подход. Т. е. в число лиц, которые могли считаться беженцами, попадали только лица определённой национальной группы [6; с. 37]. Относительно тех, кто стремился покинуть оккупированную Германией Польшу, то есть согласно действующему на тот период международному праву, они не могли быть отнесены к категории беженцев. Так, исходя из Конвенции о статусе беженцев, прибывающих из Германии 1938 г., беженцами считались лица, «обладающие или обладавшие германским гражданством и не обладающие каким-либо иным гражданством, в отношении которых установлено, что они не пользуются, по закону или фактически, защитой германского правительства». Либо «лица без гражданства..., которые покинули германскую территорию после того, как поселились в ней, и в отношении которых установлено, что они не пользуются, по закону или фактически, защитой германского правительства» [6; с. 49]. Однако, согласно нормам международного права, проигранная война и оккупация территории не являются концом государства. В случае с Польшей непрерывно существовало конституционное польское правительство, по-прежнему признанное международным сообществом. Т. е. формально люди покидали территорию Польского государства, хотя и оккупированную Германией, являясь при этом гражданами Польши. В этой связи, исходя из действовавшего на тот период международного права, беженцами они не являлись. И никакие гарантии со стороны принимающих их государств на них не распространялись.

В официальных советских и партийных документах того времени (спецсводках, докладных, отчётах) мы регулярно сталкиваемся с понятием «беженцы из оккупированной Германией Польши, беженцы из бывшей Польши и т. д.». Исходя из общей канвы документов, можно констатировать, что официальные власти под этой категорией понимали лиц, которые до сентября 1939 г. постоянно проживали в центральных и западных районах Польши, Литве, затем, в силу различных причин, оказались на территории, отошедшей в сферу влияния СССР. В этом контексте мы и будем рассматривать эту категорию населения в настоящей работе.

В советско-германских отношениях по вопросу еврейских беженцев можно выделить 2 этапа. Первый охватывал период с 28 сентября 1939 г. по 25 декабря 1939 г. Так, 28 сентября

1939 г. был подписан советско-германский договор о дружбе и границах. В соответствии с ним произошел раздел Польши между договаривающимися сторонами. Уже в секретном протоколе к отмеченному договору указывалось, что правительство СССР берёт на себя обязанность не препятствовать лицам немецкого происхождения при их желании переселиться в Германию. Аналогичные обязательства в отношении украинцев и белорусов брала на себя немецкая сторона [7; с. 165-166].

Для урегулирования вопроса о перемещённых лицах и военнопленных в середине октября 1939 г. была создана совместная советско-германская комиссия по переселению. С немецкой стороны её возглавил советник посольства Германии в СССР Ф. Твардовский, с советской – бывший нарком иностранных дел М. Литвинов. В результате переговоров 16 ноября 1939 г. в Москве было подписано межправительственное соглашение об эвакуации украинского, белорусского, русского и русинского, а также немецкого населения с территории бывшей Польши. Документ не был опубликован ни в СССР, ни в Германии и носил, по сути, секретный характер. Он состоял из 23 пунктов – статей, в которых подробно была расписана процедура переселения. Эвакуация должна была начаться со времени подписания соглашения (16 ноября 1939 г.) и продолжаться до 1 марта 1940 г. В развитие этих положений затем был принят дополнительный протокол, что говорит о спешке, с которой заключалось соглашение об эвакуации.

Непосредственная деятельность представителей немецкой стороны советско-германской смешанной комиссии на территории Беларуси началась в начале декабря 1939 г. Как свидетельствуют документы Национального архива Республики Беларусь, 4 декабря 1939 г. в Белостокскую область прибыл из Германии районный уполномоченный вместе с территориальными уполномоченными – всего 30 человек. Органы НКВД БССР отмечали, что «немецкие представители пытаются использовать легальные возможности для шпионажа». Например, 30 ноября 1939 г. к одному из членов комиссии подошла гражданка Сульцева М. (беженка из Польши) передала ему какую-то связку бумаг и затем скрылась. Более того, немцев посещал даже майор Красной Армии (его личность установить так и не удалось) [3; л. 110-113].

К началу ноября 1939 г. на приграничной с СССР территории Германии находились тысячи еврейских беженцев, стремившихся любой ценой попасть в число эвакуированных. Однако СССР совсем не был заинтересован в этом контингенте. Так, 17 октября 1939 г. уже упомянутый нами Ф. Твардовский докладывал в Берлин о позиции представителей советской комиссии, которые заявляли, что «заинтересованы в переселении только украинского и белорусского пролетариата и широких масс, а не богатеев и евреев». 21 октября 1939 г. по итогам первого дня заседания советско-германской смешанной комиссии представители немецкой делегации сделали вывод, что «советскую делегацию не интересует судьба евреев» [1; с. 323]. Эта позиция советской стороны объяснялась различными обстоятельствами. Но главным, на наш взгляд, было то, что к середине октября 1939 г. в западных областях УССР и БССР уже находились десятки тысяч беженцев из Польши, которые в значительной мере осложняли социально-экономическую обстановку в регионе.

Не имея возможности попасть в число эвакуированных, еврейские беженцы из Польши пытались самостоятельно пересечь советско-германскую границу. Немецкие власти со своей стороны не чинили препятствий для этого.

Руководство советских пограничных войск, начиная с сентября 1939 г., неоднократно обращалось к германской стороне с просьбами прекратить массовый переход беженцев на территорию СССР. Так, в сентябре 1939 г. на переговорах между представителями пограничных ведомств СССР и Германии со стороны начальника отдела Владимир-Волынского было заявлено следующее: «В настоящее время германская пограничная охрана не препятствует массовому переходу на советскую территорию беженцев и пленных... Прошу господина представителя запретить незаконный переход границы, в противном случае я буду вынужден передать этот вопрос на рассмотрение НКВД». На что представители немецкой стороны ответили, что примут все необходимые меры, чтобы в дальнейшем не допускать подобного [8; с. 178-179].

Однако немецкие власти не только не препятствовали переходу беженцев на советскую сторону, но и пытались всеми средствами содействовать этому. В качестве примера можно привести фрагмент из сообщения начальника штаба Верховного Главнокомандования вооружённых сил Германии В. Кейтеля: «Выдворение евреев на русскую территорию происходило не так гладко, как, вероятно, ожидалось. На деле практика была, например, такой: в тихом месте в

лесу тысяча евреев была выдворена за русскую границу; в 15 километрах (от этого места) они снова вернулись к границе вместе с русским офицером, который пытался заставить немецкого (офицера) принять их обратно» [9; с. 31].

Подобные факты к началу декабря 1939 г. приобрели столь массовый характер, что вынудили вмешаться высшее руководство СССР. 17 декабря 1939 г. заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потёмкин во время официальной встречи с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом высказал свое возмущение многочисленными случаями насильственной переброски германскими военными беженцев еврейской национальности. Потёмкин потребовал посла немедленно связаться с Берлином, «чтобы оттуда германскому командованию были даны распоряжения немедленно прекратить указанные действия» [11; с. 421].

Однако вплоть до января 1940 г. немецкая сторона продолжала, хотя и с меньшим размахом, осуществлять указанные мероприятия. Свидетельством тому является беседа наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с Ф. Шуленбургом от 25 января 1940 г. Здесь Молотов, в частности, упомянул о необходимости прекращения насильственного перемещения еврейских беженцев на территорию СССР. В ответ Шуленбург заверил министра, «что по его представлению германским властям даны указания не допускать подобного» [10; с. 50]. В дальнейшем такого рода действий со стороны немецких властей в источниках не фиксируются.

Не имея возможности разместить и трудоустроить всех беженцев из Польши, руководство СССР посчитало возможным переправить их в Германию. С 25 декабря 1939 г. начинается второй этап в советско-германских отношениях по вопросу беженцев. 25 декабря 1939 г. эта проблема была обсуждена в Москве на встрече заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потёмкина с советником посольства Германии в СССР В. Типпельскирхом. Инициатором её проведения выступила советская сторона. Советские представители предложили Германии вывезти из пределов западных областей страны порядка 60 тыс. беженцев. В качестве основного мотива отмечалось, что «наплыв беженцев причиняет большие затруднения СССР» [10; с. 273]. Немецкая сторона была вынуждена согласиться. Исходя из тех условий, которые она при этом выдвинула, можно констатировать, что это согласие было вызвано целым рядом причин. Во-первых, руководство Германии рассчитывало в первую очередь переселить тех этнических немцев, которые ещё не успели эвакуироваться с территории СССР. Во-вторых, возвратить в Германию арестованных лиц немецкой национальности, которые находились в заключении на территории Западной Украины и Беларуси, а также семьи польских чиновников, «ныне работающих на территории, находящейся в сфере германских интересов». Принятое решение гласило, что в ближайшее время будут вывезены с советской стороны 60 тыс. беженцев, а с германской – 14 тыс. [11; с. 446-447].

Подписанный 29 марта 1940 г. протокол являлся, по сути, дополнением к соглашению от 16 ноября 1939 г. Однако теперь в документе речь шла не об эвакуированных, а о беженцах. Под беженцами понимались лица, которые «в 1939 г. находились на работе (вне родных мест) и в результате военных действий оказались отрезанными от своего постоянного места жительства, своих семей и своего имущества». Кроме того, сюда включались также те, кто находился вне родных мест на учебе или в отпуске. Эта категория населения по желанию могла быть эвакуирована на место своего постоянного проживания [12; с. 138-140].

Такое половинчатое толкование понятия «беженцы», на наш взгляд, было обусловлено нежеланием немецкой стороны принимать беженцев, в первую очередь, еврейской национальности, т. е. тех, кто оказался «вне своих родных мест», просто-напросто спасая свою жизнь. Начиная с декабря 1940 г., зарегистрироваться на выезд из СССР стремилось значительное число еврейских беженцев. Это объяснялось отсутствием у значительной части из них работы, жилья, желанием воссоединиться с семьями. Так, один из свидетелей тех событий Ю. Блюменстраух отмечал следующее: «Если евреи бегут из страны, где свобода, равенство и счастье, под нож гестапо, то, наверное, нет необходимости добавлять, что в этом раю им было во сто раз хуже, чем у явного врага – немца. Полагаю, что любые объяснения излишни. Хотелось бы привести маленький фактик. Когда во Львов, Владимир и Брест прибыли немецкие комиссии для реализации выезда за Буг, именно массы добровольцев – евреев сотнями и тысячами прославляли Германию и Гитлера. Только представьте себе толпы евреев кричащих: «Да здравствует Гитлер!». Другой свидетель Х. Хедес: «Во время регистрации, по нескольку часов в очереди, я, наконец, получил карточку на выезд, что тогда воспринималось как счастье. Один немецкий офицер обратился к толпе евреев и спросил: «Евреи, куда вы едете? Вы что не понимаете, что мы вас убьём?» [13; с. 223].

Однако немецкие власти вовсе не стремились принимать еврейских беженцев. Об этом они говорили без обиняков: «О возвращении еврейских беженцев на территорию Германии не может быть и речи». Обоснование было следующим: «С точки зрения Германии, при рассмотрении еврейского вопроса мы имеем дело не с принадлежностью людей к определённой национальности, а с их принадлежностью к определённой религии и расе» [14; с. 58]. Представители германской делегации отмечали, что эти люди с вечера занимали очередь, пытаясь получить разрешение на выезд. Зимой 1940 г. без еды, на лютom морозе многие не выдерживали, и с отдельными из них случались обмороки. Попав на прием и узнав, что из-за своей национальной принадлежности они не подлежат эвакуации, мужчины и женщины падали на колени и просители представителей германской делегации разрешить им выезд [14; с. 58].

Однако документы свидетельствуют, что части еврейских беженцев всё же удалось покинуть пределы СССР. Некоторые проходили под видом лиц польской национальности. По свидетельству Н. С. Хрущева, некоторые еврейские беженцы даже давали представителям немецкой комиссии взятки. Последние охотно их брали и переправляли беженцев на территорию Польши, отошедшую к рейху [15; с. 95-96].

Первоначально закончить работу по переселению беженцев планировалось к началу мая 1940 г. Однако к указанному сроку комиссией было эвакуировано с немецкой стороны – 13 319, с советской – 40 тыс. человек. Это объяснялось в первую очередь желанием немцев максимально продлить её работу, для того чтобы выявить и переправить в Германию как можно большее число переселенцев из числа этнических немцев. Значительная часть из них к этому времени уже была арестована и находилась в советских тюрьмах по подозрению в шпионаже. Однако руководство СССР со своей стороны всячески препятствовало этому [14; с. 59-60].

Так, 20 мая 1940 г. на встрече В.М. Молотова с Ф. Шуленбургом, последний поднял вопрос о продлении сроков работы комиссии по переселению беженцев, заявив при этом, о своей заинтересованности в эвакуации только около 3 тыс. лиц немецкого происхождения и заключённых. В ответ Молотов дал понять, что вопрос об эвакуации указанных категорий граждан является исчерпанным и подлежит обсуждению только на правительственном уровне. Он подчеркнул, что «нельзя смешивать вопросы эвакуации лиц немецкого происхождения и эвакуации» [10; с. 274]. В этот же день последовало официальное разъяснение НКВД СССР, где выражалось согласие руководства СССР на продление сроков работы комиссии в течение 15 дней [14; с. 59].

5 июня 1940 г. деятельность советско-германской комиссии была завершена. Документальные источники, имеющиеся в нашем распоряжении, не дают точного ответа на вопрос, какое количество еврейских беженцев было переселено из СССР в Германию на протяжении второго этапа эвакуации, т. е. с января по июнь 1940 г.

В дальнейшем германской стороной неоднократно поднимался вопрос об эвакуации лиц немецкой национальности, однако руководство СССР отвечало неизменным отказом.

В заключение можно сделать следующие выводы. В период германо-польской войны десятки тысяч жителей Польши, в основном еврейской национальности, опасаясь преследований со стороны немецких властей, оказались на территориях, отошедших в дальнейшем к СССР. Формально, согласно действовавшему тогда международному праву, они не могли быть отнесены к беженцам. Однако, исходя из трактовки данного понятия, которое присутствует в официальных партийных и советских документах того времени, мы считаем возможным применять в отношении к ним определение «беженцы». В советско-германских отношениях по данной проблеме можно выделить два этапа. Первый: сентябрь – декабрь 1939 г. Основным содержанием его являлось проведение политики по переселению русских, белорусов и украинцев из оккупированной Германией Польши на территорию СССР. В Германию из СССР переправлялись лица немецкой национальности. Одновременно с этим Германия проводила политику насильственного переселения на территорию СССР беженцев еврейской национальности. Следующий этап можно датировать январём 1940 г. – июнем 1940 г. Он характеризовался стремлением руководства СССР ослабить социально-экономическую напряжённость в западных областях УССР и БССР путем эвакуации из пределов страны беженцев по большей части еврейской национальности из бывшего Польского государства. Значительная часть из них, не имея средств к существованию, стремилась покинуть территорию СССР. Несмотря на то, что немецкие власти отказывались принимать последних, какая-то часть из них сумела перебраться на территорию Германии.

1. Іофе, Э. З Польшчы ў Беларусь (Яўрэйскія бежанцы з Польшчы на тэрыторыі Беларусі ў 1939-1941 гг.) / Э. Іофе // Польшча. – 2002. – № 11 – 12. – С. 321-335.
2. Таляронак, С. Да пытання аб перасяленні заходніх беларусаў і заходніх украінцаў у 1939 г. / С. Таляронак // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 4. – С. 82 – 90.

3. Национальный архив Республики Беларусь (далее: НАРБ). Ф. 4. Оп. 21. Д. 1777.
4. Гудвин-Гилл, Г.С. Статус беженца в международном праве / Г.С. Гудвин – Гилл; пер. с англ. М.И. Левиной. – М.: ЮНИТИС, 1997. – 647 с.
5. Тодорович, И. Решение проблемы беженцев в начале XXI в. / И. Тодорович, Ю.Ф. Моргунов, А. В. Селиванов // Журнал международного права и международных отношений. – 2005. – №1. – С. 29-34.
6. Документы Лиги Наций, касающиеся беженцев // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 1. – С. 37 – 55.
7. Знешняя палітыка Беларусі: 3б. дакументаў і матэрыялаў: У 6 т. / Бел НДІДАС. – Мінск, 1997 – 2003. – Т. 3: 1928 – чэрвень 1941 г. / Склад. У.М. Міхнюк, У.К. Ракашэвіч, Я.С. Фалей, А.В. Шарапа. – 2001. – 321 с.
8. Пограничные войска СССР 1939-июнь 1941. – М.: Наука, 1970. – 811 с.
9. СССР-Германия 1939-1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г.: В 2 т. – Vilnius: «Mokslas», 1989. – Т. 2. – 192 с.
10. Документы внешней политики. – Т. XXIII: В 2 кн. – Кн. 1: 1 января – 31 октября 1940 г. – М.: Междунар. отношения, 1995. – 752 с.
11. Документы внешней политики. – Т. XXII: В 2 кн. – Кн. 2: Сентябрь – декабрь 1939 г. – М.: Междунар. отношения, 1992. – 688 с.
12. Вишлев, О. «Дружба, скрепленная кровью?» / О. Вишлев // Молодая гвардия. – 1996. – № 12. – С. 121 – 142.
13. Розенблат, Е. Поляки и евреи в Западной Белоруссии: динамика сближений и конфликтов (1939 – 1941 гг.) / Е. Розенблат, С. Струнец // Диаспоры. – 2003. – № 1. – С. 202 – 227.
14. Иларионова, Т.С. Обмен населением между СССР и Германией накануне и в начале Второй мировой войны / Т.С. Иларионова // Отечественная история. – 2004. – №4. – С. 54-62.
15. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. – 1990. – № 7. – С. 75-106.
16. НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1585.

Кондратюк Г. Н. (Крымский ИПУ, г. Симферополь)

НЕМЕЦКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ КРЫМСКОЙ АССР в 1920-1930-х годах

Исследование процессов межвоенного периода, происходивших в Крымской АССР и УССР, вызывает особое внимание современных исследователей. Можно выделить несколько причин интереса учёных. Длительное время свободное изучение общественных процессов находилось под запретом. Историки должны были помещать свои исследования в прокрустово ложе идеологических схем. Особое место в исторических исследованиях заняло изучение этнополитики 1920-1930-х годов. Распад Советского Союза, сложные современные межнациональные проблемы, рост радикализма и ксенофобии заставляют пристальнее всматриваться в прошлое.

Цель настоящей статьи – изучить процессы, происходившие в немецких национальных районах Крымской АССР в межвоенный период, преломление политики коренизации по отношению к немцам Крыма. При подготовке данной статьи использованы документы, находящиеся на хранении в Государственном архиве Автономной Республики Крым, в частности фонда П. – 1 областного комитета РКП(б) – ВКП(б), так как именно этот орган реализовывал государственную этнополитику во всех сферах экономической и культурной жизни, являлся инициатором административных изменений. Использованы стенограммы выступлений лидеров крымской партийной организации. Также нашли отображение публикации в периодической печати 1930-х годов: в журнале Наркомнаца РСФСР «Революция и национальности» и газете Наркомпроса РСФСР «За коммунистическое просвещение».

В апреле 1923 года на XII съезде РКП(б) была объявлена политика коренизации. Основные тенденции политики коренизации 1920-х годов весьма существенно отличаются от последующего десятилетия. Коренизацию 1930-х годов отличают административно-территориальные изменения, кампания выдвиженчества и рост роли идеологии. Общесоюзные тенденции нашли свою реализацию и в Крымской АССР.